

DOI 10.15407/sociology2021.01.060
УДК316.343.6; 316.442; 316.42; 316.334.22

ВИТАЛИНА БУТКАЛЮК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

VITALINA BUTKALIUK,

Candidate of Sciences in Sociology, Research Fellow at the Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

vbutkalyuk@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0003-1339-6393>

Труд в XXI веке: вызовы постфордизма / неолиберализма и положение трудящихся в современном глобальном мире

Трудовая деятельность является способом существования и самореализации человека как общественного субъекта, объективно присущим его природе [Социология труда, 2006: с. 349], и служит одним из важнейших условий общественного развития. Будучи целесообразной деятельностью, в процессе которой человек воздействует на природу и использует ее в целях создания необходимых для удовлетворения своих потребностей предметов [Социологический энциклопедический словарь, 1998: с. 376], труд послужил в свое время важнейшим фактором изменения самой человеческой природы [Маркс, 1978: с. 188]. Таким образом, труд играет ключевую роль в процессе создания материальных ценностей с целью физиологического выживания и удовлетворения потребностей людей, а также в становлении и развитии человека, формировании его ценностей и культуры. Поэтому изучение производственных отношений, в рамках которых трудится человек, представляет собой важнейшее условие построения и осмысления целостной картины происходящих в обществе процессов, способствует пониманию закономерностей его развития, выявлению причин и последствий социальных неравенств в современном обществе.

В условиях экономической глобализации, когда в результате структурной трансформации экономики произошли колоссальные изменения в сфере занятости, а дисбалансы в социально-экономическом развитии приобрели острый характер, особое место в изучении проблем трудовой сферы заняла разработанная Международной организацией труда (МОТ) *концепция достойного труда*. Официально утвержденная в 2008 году как часть принятой МОТ «Декларации

Цитирование: Буткалюк, В. (2021). Труд в XXI веке: вызовы постфордизма/неолиберализма и положение трудящихся в современном глобальном мире. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 60–81.

о социальной справедливости в целях справедливой глобализации» [Декларация МОТ, 2008], она была положена в основу Программы достойного труда МОТ, которая в наши дни, будучи официально задекларированной на высших уровнях, призвана стать стержневым элементом политики данной организации, а также всех государств — ее членов. Достойные условия занятости, гендерное равенство, справедливость в оплате труда, а также создание равных условий для всех являются основополагающими составными элементами данной программы [Decent work, 2018]. «Достойно трудиться значит не просто иметь работу. Это подразумевает иметь возможность работать продуктивно, получая за счет своего труда достойный доход, пользуясь охраной труда и социальной защитой для своих близких. Достойный труд лежит в основе сплоченности общества. Там, где достойный труд не обеспечен, люди сталкиваются с бедностью, неравенством, социальной напряженностью и открытыми социальными конфликтами», — так аргументируют свое видение специалисты МОТ [Наш ответ, 2018]. Концепция и программа достойного труда получили широкое международное признание и были использованы для разработки и принятия Повестки-2030 ООН [Transforming our world, 2019].

Вместе с тем, появление таких документов свидетельствует не об улучшении жизни людей труда и условий их занятости в современном глобализованном мире, а наоборот, о наблюдающемся в последние десятилетия снижении качества трудовой жизни и все большей уязвимости труда и занятости для большинства трудящихся. Это заключение подтвердил и Генеральный директор МОТ Х. Сомавиа; комментируя принятие Декларации о социальной справедливости, он отметил, что она «появилась в период широко распространенной неуверенности в сфере труда, все новых проявлений нарушений прав работников, растущей озабоченности в отношении процесса глобализации...» [Декларация МОТ, 2008: с. 5].

В современном мире достойный труд продолжает оставаться скорее теоретической разработкой и политическим призывом, чем руководством к действию для правительств и корпораций. В условиях экономической глобализации современные капиталистические рынки и сферы труда являются пространствами пересечения множества классовых, гендерных, расовых, этнических и других видов неравенства, ведущих к маргинализации наемной рабочей силы и вытеснению ее в ряды «нового опасного класса» — прекариата. Вызовы, с которыми столкнулись трудящиеся в XXI веке, не преодолены, более того, они дополняют ранее существовавшие, обостряя и усугубляя их. «Безработица сохраняется на недопустимо высоком уровне, и миллиарды работников участвуют в неформальной занятости. Немыслимое число работников живут в условиях крайней нищеты... Слишком много людей всё ещё посвящают работе чрезмерное количество времени, и ежегодно миллионы по-прежнему погибают от несчастных случаев на производстве», — говорится в одном из последних Докладов МОТ [Работать ради лучшего, 2019: с. 22]. В последнее время к перечисленным выше проблемам добавились пандемия COVID-19, усилив ранее известные проблемы, угрожая сегодня миллионам людей ухудшением здоровья, потерей работы и средств к существованию, бедностью и еще большим ростом неравенства и неопределенности.

Цель данной статьи — на основе экономико-социологического подхода изучить суть и характер изменений занятости в эпоху постфордистского режима

накопления капитала, исследовать их социальные последствия для трудящихся, а также проанализировать ключевые проблемы и вызовы труда в современном мире.

Изменения характера труда в условиях постфордизма

В последние десятилетия сфера труда и занятости претерпела большие изменения. Современное производство характеризуется нестабильностью, широким распространением нестандартных форм занятости и ухудшением ее условий для многих категорий работников. Такое положение дел во многом является следствием перехода мировой экономики от кейнсианско-фордистской к постфордистской неолиберальной модели экономического роста и развития, начавшегося с 70-х годов прошлого века.

Как известно, важнейшую роль в индустриальном развитии Запада и становлении индустриализма в XX веке сыграла такая система организации промышленного производства, как фордизм. Ее ключевыми характеристиками были массовое производство, стандартизация / разделение труда под одной крышей, многоуровневые управленческие пирамиды, четкое разделение между транзакциями на рынке и внутри компаний. Связь между ростом заработных плат и производительностью труда в этот период способствовала росту и благосостояния людей труда, и прибылей корпораций. Промышленное производство «стального века» основывалось на приоритете национальных рынков, широкомасштабных капиталоемких предприятий, негибких производственных и бюрократических структур [Арсеенко, Петрушина, 2014: с. 24].

Фордизм (под которым понимается не только система массового производства, впервые примененная на предприятиях «Ford Motor Company» в начале XX века, но также характерная для послевоенного периода модель экономического роста и связанный с ней политический и социальный порядок [Jessop, 2020]), дававший обществу устойчивость в период между 1945-м и серединой 1970-х годов, поддерживать далее стало невозможно, и он уступил место постфордизму. Некоторые исследователи считают, что эти годы (1945–1973) можно охарактеризовать как *фордистско-кейнсианскую эру*, в течение которой определенный набор взаимосвязанных характеристик обеспечивал равновесие системы как единого целого [Уэбстер, 2004: с. 47]. Это был период, когда массовое производство и потребление находились в относительно сбалансированном состоянии, государство играло весомую роль в экономических процессах, имея достаточные рычаги влияния для поддержания экономического равновесия и социальной стабильности. Реализуемая государством социальная политика была способна сглаживать (или нейтрализовать) губительные для наемных работников последствия колебаний капиталистической экономики.

Кроме того, фордистско-кейнсианскую эру описывают как период самого долгого бума в истории капитализма, относительно стабильного экономического роста и практически полной занятости. К примеру, показатель безработицы в 1950-х годах, за исключением коротких периодов, находился в районе 2%, что давало большинству населения ощущение стабильности и уверенности в будущем. Именно этот период принято называть «золотым веком капитализма», «славным послевоенным 30-летием» или «великим уравниванием», характеризую-

щимся не только ростом благосостояния трудящихся и населения в целом, но и уменьшением социально-экономического неравенства. Известный исследователь проблем неравенства Э. Аткинсон отмечает, что низкий уровень неравенства в европейских странах в этот период объяснялся во многом низким уровнем безработицы среди населения. Например, в Великобритании она составляла порой 1%, а в целом за указанный срок не превышала 4% [Аткинсон, 2018: с. 238].

Окончание «золотого века капитализма» обычно связывают с приходом к власти М. Тэтчер в Великобритании в 1979 году и Р. Рейгана в США в 1980-м, начавшими реформы, ознаменовавшие переход от кейнсианско-фордистской к неолиберальной модели экономического роста и развития в Старом и Новом Свете. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что данные трансформации хоть и активно продвигались указанными представителями власти, однако диктовались не столько их субъективным выбором, сколько логикой капитализма, предполагающей постоянное повышение прибыли. В целом переход к неолиберализму стал ответом правящих классов на кризис капитализма конца 70-х годов XX века и имел своей целью повышение доходности капитала. В это время правящий экономический класс и выражающие его интересы политики начали сворачивание «государства всеобщего благоденствия», отбросив ранее взятые на вооружение практики «социального государства» и «социального партнерства». Были запущены процессы приватизации многих предприятий, в том числе и социальных услуг, произошло уменьшение роли государства в экономике, снижение расходов на социальные программы и т.д. [Харви, 2007: с. 2].

В результате реализации неолиберальных реформ материальный уровень жизни трудящихся был практически заморожен, в то время как увеличение доходов господствующих классов, обусловленное непрерывным развитием производительных сил общества, лишь возрастало. В этот период произошло размывание связи между ростом заработной платы и повышением производительности труда. Существовавшая во времена фордизма, эта привязка была одним из ключевых факторов мотивации работников, так как каждый видел, что его личное благосостояние растет вместе с ростом экономики. Однако с конца 1970-х годов в этом плане произошли серьезные изменения. Для иллюстрации: с 1979-го по 2018 год чистая производительность в США выросла на 69,6%, в то время как почасовая оплата среднего рабочего практически не изменилась, увеличившись всего на 11,6% за 39 лет [The Productivity, 2019]. Это означает, что хотя сегодня американцы работают более продуктивно, чем когда-либо, плоды их труда в основном достаются тем, кто находится наверху иерархической лестницы.

Постфордизм, пришедший на смену исчерпавшему свои возможности фордизму, ориентировался на расширение рынков сбыта, мультинационализацию рынков материальных, финансовых, человеческих и других ресурсов, компьютеризированные и роботизированные производства, гибкое изготовление специализированных изделий, микропроцессорные технологии [Арсенко, Петрушина, 2014: с. 24]. Рост мобильности капитала и снижение роли государства в регулировании экономических процессов позволили транснациональному капиталу увеличить прибыли благодаря открытию возможностей экономии на труде и в целом на изменении условий и характера занятости в сторону вариативности и гибкости.

Как следствие развертывания экономической глобализации и реализации постфордистских практик организации производства постоянная занятость постепенно уступала место «гибкой» занятости. Именно гибкость является ключевым качеством, присущим постфордизму, красной нитью проходящим через все его описания и характеристики [Уэбстер, 2004: с. 58]. В трудовой сфере это качество проявляется в гибкости и производства, и занятости, и самой рабочей силы.

В постфордистской экономике от работника требуется высокая адаптивность, готовность к периодичной смене профессии, перепрофилированию деятельности; «новому работнику» не стоит рассчитывать на постоянную занятость и пожизненную профессию, как это могло быть в эпоху фордизма. С другой стороны, эта гибкость проявляется в гибкой оплате труда (индивидуальной оплате, не установленной по согласованию с профсоюзами или с государственными тарифами), трудовой гибкости (готовности менять работу раз в несколько лет и участвовавшей в связи с этим практике заключения срочных договоров) и временной гибкости (росте числа мест с неполным рабочим днем, практике «гибкого графика», сменной работе и, довольно часто, работе в выходные дни). Что касается гибкости производства, то здесь фордистские методы вытесняются распространением более подвижных и эффективных для бизнеса способов производства (как, например, системы «точно в срок», когда производство работает лишь на выполнение конкретного заказа, а не на постоянной основе). Еще одной формой гибкости производства является вертикальная дезинтеграция, позволяющая быстро менять поставщиков и продукцию, при этом не тратя деньги на содержание постоянного собственного персонала [Уэбстер, 2004: с. 58].

Достаточно большую роль в усилении позиций капитала и, соответственно, ослаблении позиций трудящихся в последние десятилетия сыграло размывание профсоюзов, а также в целом ослабление рабочих, народных, левых движений и идеологий, традиционно отстаивающих права наемных работников. Известный американский экономист и социолог Р. Флорида отмечает, что нападки на профсоюзы со стороны корпораций и правых сил в это время, их ослабление и уменьшение юнионизации в целом стали причиной уменьшения заработных плат работников и, в результате, общего ухудшения их положения [Флорида, 2018: с. 331]. На этот важный фактор также обращает внимание Д. Гартман: «Около 1973 года корпорации отказались от выплаты высокой заработной платы и контактов с сильными профсоюзами, традиционно существовавшими в крупных промышленных центрах. Вместо этого они перевели производство на территории, где не было профсоюзов и где можно было платить низкую заработную плату, то есть в слаборазвитые районы и страны» [Гартман, 2015: с. 29].

Необходимо отметить, что описанные изменения характера труда и занятости начали появляться и нарастать постепенно, еще с 50-х годов XX века. В частности, по мнению Э. Аткинсона, «регулярную занятость» еще с этого времени постепенно начали вытеснять разные формы нестандартной занятости, включая работу неполный рабочий день или работу в нескольких местах [Аткинсон, 2018: с. 237].

Кроме того, вопреки прогнозам апологетов либерализма о «конце истории» с переводом капиталистической экономики на неолиберальные рельсы не были списаны в исторический архив экономические кризисы, которые не реже, чем

ранее (каждые 8–10 лет), продолжают сотрясать мировую капиталистическую экономику. Это крайне негативно влияет на качество трудовой жизни как в странах «золотого миллиарда» планеты, так и на периферии глобального капитализма. По признанию известного американского футуролога М. Форда, «рабочие места, создаваемые во время очередного экономического подъема, обычно оказываются худшими, чем те рабочие места, которые были уничтожены предыдущим экономическим спадом» [Форд, 2016: с. 79]. По его же словам, «экономические подъемы без создания новых рабочих мест стали нормой» [там же, с. 84]. Таким образом, циклический характер развития капиталистической экономики ведет к «вымыванию» хороших рабочих мест, детерминирует сокращение занятости и расширение безработицы, обуславливает рост поляризации на рынке труда в странах глобального Севера и Юга.

В условиях постфордистского режима производства и накопления труд стал более гибким, что, с одной стороны, позволило бизнесу максимизировать прибыль, с другой же — повлекло за собой усиление нестабильности и повышение уязвимости занятости в современном мире. Реализация неолиберальных реформ привела к уменьшению доли наемного труда в ВВП, размыванию связи между ростом заработной платы и производительностью труда и широкому распространению неформальной занятости, а также стала причиной сильного увеличения неравенства и распространения феномена работающих бедных.

Цифровизация экономики и ее влияние на мир труда

Одной из ключевых характеристик постфордистского мира является развитие и внедрение новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах жизнедеятельности общества, в первую очередь — в экономической. Как и в любом процессе, его социальные последствия можно оценивать двояко. С одной стороны, цифровизация и роботизация производства играют прогрессивную роль, повышая производительность труда и, зачастую, качество выпускаемой продукции. Вместе с тем, внедрение новых технологий может привести к сокращению рабочих мест, росту безработицы, а также иным негативным последствиям для людей труда.

Социологические исследования свидетельствуют, что в своем большинстве люди положительно оценивают процесс цифровизации экономики, однако при этом беспокоятся за сохранность рабочих мест и наличие средств к существованию в будущем. Согласно данным Евробарометра, большинство населения Евросоюза приветствуют внедрение новых технологий и оценивают его в целом положительно. 75% респондентов считают, что новейшие цифровые технологии оказывают положительное влияние на экономику, 64% — на общество в целом, а 67% уверены, что эти технологии повышают качество их жизни. Вместе с тем 72% опрошенных считают, что роботы и искусственный интеллект отнимают рабочие места людей, а 74% предполагают, что из-за этого рабочих мест будет ликвидировано больше, чем создано [Special Eurobarometer, 2017: p. 3–4].

Влияние новых технологий на современную экономическую систему сложно переоценить — они существенным образом изменяют производственные процессы, размывая традиционные границы компаний, расширяя глобальные цепочки стоимости и изменяя географию рабочих мест. Наконец, технологии вы-

ступают важнейшим условием изменения самого характера труда и реализации политики его гибкости, предоставляя технологические мощности для развития так называемой экономики свободного заработка (в рамках которой организации на основе платформенных технологий нанимают самостоятельно занятых работников по краткосрочным договорам).

Перспективы формирования «экономики без рабочих мест» вызывают тревогу и у работников, и у исследователей, поскольку все чаще выполнение задач в рамках производственного процесса передается роботам. Численность используемых на производстве роботов растет очень быстро по всему миру. В 2019 году их общее количество в мире достигло 2,6 млн, а в ближайшие годы ожидается внедрение новых промышленных роботов на уровне 1,4 млн. Больше всего роботов на одного работника сегодня приходится в Германии, Корее и Сингапуре. Более 2/3 роботов используются в автомобильной, электротехнической и электронной промышленности, а также в металлургии и машиностроении [Изменение характера труда, 2019: с. 20].

В первую очередь, использование роботов вытесняет с рабочих мест работников, выполняющих рутинные и поддающиеся «кодификации» операции. Автоматизация повсеместно снижает спрос на работников обрабатывающей промышленности. Процесс роботизации приводит также к переносу производственных мощностей, меняя современную промышленную карту мира. Если внедрение роботов обходится дешевле, чем обеспечение существующего производства, компании переносят его как можно ближе к потребительским рынкам. Например, в 2017 году использование технологий трехмерной печати позволило немецкой компании «Adidas» открыть 2 автоматизированных фабрики по изготовлению обуви в Ансбахе (Германия) и в Атланте (США), в результате чего было ликвидировано более 1000 рабочих мест во Вьетнаме. В 2012 году голландская транснациональная высокотехнологичная компания «Philips Electronics» перевела производство из Китая обратно в Нидерланды [Изменение характера труда, 2019: с. 21]. Сегодня, в условиях слабости профсоюзов, корпорации не боятся делать этого, хотя еще несколько десятилетий назад они уходили с территорий, где концентрация работников на одном производстве приводила к неизбежному осознанию их общих интересов и формированию политической субъектности.

Кроме того, цифровизация и внедрение новейших ИКТ меняют «портрет» работника на рынке труда, изменяя востребованный в новых условиях набор навыков. Для новой цифровой экономики будут представлять ценность работники, обладающие общими когнитивными свойствами, например навыками критического мышления и творческого подхода к решению задач, а также такими социально-поведенческими навыками, как управление эмоциями и их распознавание, что должно повышать эффективность работы в команде. В связи с процессами активного внедрения ИКТ ожидается и исчезновение большого числа распространенных сегодня специальностей. Так, до 2030 года прогнозируется исчезновение 57 и появление 186 профессий. В частности, исчезнут такие весьма распространенные сегодня профессии, как корректор, бухгалтер, библиотекарь, юрисконсульт, нотариус, референт, переводчик, диспетчер, вахтер, горняк, шахтер, почтальон, швея, официант. А появятся — системный биотехнолог, архитектор живых систем, урбанист-эколог, архитектор энергону-

левых домов, аудитор информационных технологий, разработчик моделей big data и т.д. [Исчезнут 57 профессий, 2019].

Исследователи считают, что озабоченность работников будущим труда в условиях активного внедрения новейших ИКТ не беспочвенна. Цифровизация производственных процессов может нести существенные негативные социальные последствия. Например, социолог Р. Анисимов обращает внимание на несколько ключевых проблем, к которым приведет данный процесс и решение которых требует серьезного осмысления и реакции государства и общества:

- экономическая проблема (повышение производительности труда при снижении платежеспособности населения из-за потери работы приведет к кризису перепроизводства);
- культурная проблема (необходимость организации возрастающего свободного времени населения в связи с опасностью массового проявления девиантного поведения в ситуации утраты трудом статуса системообразующего жизненного принципа);
- политическая проблема (низвержение основного принципа гражданства, основанного на праве гражданина требовать от государства соблюдения своих прав и гарантий в обмен на обязательство платить налоги и трудиться, в условиях массового высвобождения людей из трудового процесса приведет, по мнению ученого, к утрате равноправности взаимодействий граждан и государства);
- социальная проблема (непременный в этом случае стремительный рост неравенства, который составит основу грядущих социальных катаклизмов) [Анисимов, 2020: с. 12–13].

На проблему роста социального неравенства в условиях цифровой экономики обращают внимание и другие ученые. Например, Р. Флорида в своей книге «Номо креативус. Как новый класс завоевывает мир», изучая причины роста неравенства в США, пришел к выводу, что движущей силой этого процесса стали сложные структурные изменения в экономике и характере труда в эпоху глобализации. На примере США исследователь показывает, что автоматизация и новые технологии в робототехнике наряду с иными факторами (переносом производств в страны с низким уровнем заработных плат и повышением производительности и эффективности производства) выступили причиной устранения за ненадобностью низкоквалифицированных, но ранее хорошо оплачиваемых рабочих мест. В результате это привело к исчезновению среднего класса (о чем автор говорит как о свершившемся факте) и расколу рынка рабочих мест в США фактически на 2 части: с одной стороны, высокооплачиваемые профессиональные рабочие места, требующие креативности, достаточного образования и соответствующих навыков, а с другой — все больше рутинной низкоквалифицированной работы в таких отраслях, как уход за людьми, продажи, обслуживание в сфере питания. Этот социоструктурный процесс вызвал рост неравенства заработных плат, а именно оно лежит в основе других форм неравенства — социального, культурного, географического, неравенства доходов и т.д. [Флорида, 2018: с. 327–328].

Кроме того, по мнению некоторых исследователей, роботизация производства будет способствовать существенному росту возрастного неравенства. Исследования, проведенные в Германии, показали, что от этого процесса больше

всего страдают молодые работники. Хотя в этой стране внедрение роботов и не оказало сколько-нибудь значительного влияния на занятость, вместе с тем, оно снизило показатели найма молодых людей, начинающих свою трудовую деятельность. Соответственно, последствия автоматизации могут быть разными для стран, население которых стареет, в сравнении со странами с относительно молодым населением, в которых ожидается приток на рынки труда большого количества новых участников [Изменение характера труда, 2019: с. 20].

Можно констатировать, что процессы автоматизации, роботизации и цифровизации экономики существенно изменяют рынок труда и занятость населения, способствуя повышению их гибкости, что для многих трудящихся в мире означает уменьшение защищенности. Отдавая должное научно-технологическому и технологическому развитию, несущему много благ человечеству, сегодня необходимо обратиться к критическому анализу социальных последствий их внедрения. Ряд ученых справедливо высказывают свое беспокойство тем, что новые технологии позволят бизнесу еще больше минимизировать издержки на труд, и эта тенденция в условиях характерной для постфордизма слабости профсоюзов будет лишь усиливаться. Украинский исследователь проблем глобализации А. Арсеев уверен, что хотя в настоящее время цифровая экономика приобретает свойства одного из главных драйверов не только экономического, но и социального прогресса, без изменения социальной структуры капиталистического общества она будет лишь усиливать эксплуатацию труда [Арсеев, 2020].

Оптимистические ожидания людей касательно влияния внедрения ИКТ на положение людей труда и общее социальное развитие, основанные на трудах известных западных теоретиков постиндустриализма М. Маклюэна [McLuhan, 1964], Д. Белла [Bell, 1974], А. Тоффлера [Toffler, 1981], в большинстве своем не оправдались. Для многих людей труд не стал обещанным творчеством, а наоборот, превратился в хотя не столь детерминированный во времени и пространстве, но зачастую намного более интенсивный и изнуряющий жизненные силы процесс. Можно в полной мере согласиться с выводом исследователя проблем постфордистского общества В. Мартьянова, указывающего, что при более детальном рассмотрении последствий перехода к «информационному постфордистскому обществу» окажется, что для большинства людей принципиальных перемен к лучшему не происходит. «Новая технологическая утопия всеобщего освобождения, обманчивая в своей доступности, в реальности оказывается пирогом не для всех, так как постиндустриализм / постфордизм оборачивается не новым типом экономики, но лишь созданием высокоприбыльных глобальных монополий в узких сегментах капиталистической миросистемы». Автор справедливо заключает, что в «информационном» постфордистском мире меняется лишь второстепенное, в частности номенклатура существующих специальностей, классификация видов деятельности, соотношения сферы производства и услуг, специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор, все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т.п., но при этом «ни законы капиталистической мирэкономки, ни тип государства, ни людская мораль практически не меняются» [Мартьянов, 2015: с. 56].

Увеличение социальной полезности новых технологий требует изменения социально-экономической сути, организационной и политической конфигурации современных производственных и общественных отношений. Применяемые в рамках существующих общественных отношений новейшие достижения науки и техники, с большой долей вероятности, будут служить преимущественно цели максимизации прибыли весьма узкой прослойки собственников капитала, а не во благо всего общества, а их потенциально высокая полезность будет ограничена социальными рамками классовых позиций владеющих ими людей.

Краткие характеристики и ключевые проблемы современной сферы труда

Из 7,6 млрд чел., проживающих на планете сегодня, 5,7 млрд — это люди трудоспособного возраста (последний показатель включает женщин и мужчин в возрасте старше 15 лет). По данным МОТ, 3,3 млрд чел. (или 58,4% от общей численности населения) имеют работу и являются занятыми, в то время как 172 млн относятся к числу безработных. Обе эти группы, вместе взятые, составляют глобальную рабочую силу, охватывающую, соответственно, примерно 3,5 млрд чел. (61,4% населения трудоспособного возраста). Оставшиеся 2,2 млрд чел. (38,6%) трудоспособного возраста находятся вне «пула» рабочей силы (они заняты домашним воспитанием детей или неоплачиваемым уходом за детьми/родителями, или являются пенсионерами) [World Employment and Social Outlook, 2019: p. 4].

По предварительным данным, в 2020 году доля занятого населения в мире несколько сократилась и составляет сегодня 58% населения трудоспособного возраста.

Таблица 1

**Динамика занятости в странах с различным уровнем дохода¹
(1993, 2018, 2020, %)**

Страны	Отношение занятой рабочей силы к численности населения											
	среди всего населения			среди женщин			среди мужчин			среди молодежи		
	1993	2018	2020	1993	2018	2020	1993	2018	2020	1993	2018	2020
Мир в целом	62,2	58,4	58,0	48,5	45,3	44,9	76,0	71,4	71,1	51,7	37,1	36,6
<i>Страны с низким уровнем дохода</i>	71,3	68,7	68,6	63,5	61,7	61,6	79,4	75,9	75,8	58,8	53,1	52,9
<i>Страны с доходом ниже среднего</i>	57,9	54,3	54,1	36,4	33,7	33,5	78,8	74,5	74,3	44,2	31,6	31,0
<i>Страны с доходом выше среднего</i>	68,2	60,9	60,2	58,2	51,3	50,5	78,2	70,5	69,9	60,7	37,6	36,8
<i>Страны с высоким уровнем доходов</i>	55,6	57,3	57,1	44,9	49,8	49,6	66,8	65,0	64,7	43,4	39,8	39,4

Примечание. Таблица составлена по: [World Employment and Social Outlook, 2019: p. 11].

¹ The employment-to-population ratio — отношение занятой в настоящее время рабочей силы к населению трудоспособного возраста.

Что касается статуса занятости, то в глобальном измерении около 360 млн чел. (11%) заняты неоплачиваемым домашним трудом. Такие работники по определению относятся к неформальному сектору и, соответственно, лишены дохода и какой-либо социальной защиты. 1,1 млрд чел. (34% населения трудоспособного возраста) являются самозанятыми. Хотя такая работа может служить трамплином для предпринимательства, значительная часть из этих людей занимаются натуральными видами хозяйствования, что является для многих из них вынужденной формой занятости ввиду отсутствия более качественных рабочих мест в формальном секторе. Лишь немногим более половины всех работников в мире (53%) относятся к числу наемных работников. Этот тип занятости часто отождествляется с более достойными условиями труда и большими гарантиями, хотя и среди таковых достаточно большая доля относится к неформальному сектору. К числу работодателей относится всего 2% людей трудоспособного возраста [World Employment and Social Outlook, 2020: p. 19].

Положение людей труда в современном мире сильно различается в зависимости от уровня экономического развития страны. Так, в странах с высоким уровнем доходов труд оказывается в наиболее выигрышном положении: тут наименьшая доля неформальной занятости, наибольшая доля наемных работников, меньше всего тружеников, относящихся к самозанятым, и тех, кто занимается неоплачиваемым домашним трудом.

Таблица 2

Характер и статус занятости в современном мире

Страны по уровню дохода	Пол	Неформальный труд, 2016	Наемные работники, 2018 (%)	Работодатели, 2018 (%)	Самозанятые работники, 2018 (%)	Неоплачиваемый домашний труд, 2018 (%)
<i>Мир в целом</i>	Занятое население	61,2	52,0	2,9	34,1	10,9
	Женщины	58,1	52,5	1,7	27,8	18,1
	Мужчины	63,0	51,7	3,8	38,2	6,4
<i>Страны с низким уровнем дохода</i>	Занятое население	89,8	18,8	1,6	50,9	28,6
	Женщины	92,1	11,9	0,8	44,5	42,8
	Мужчины	87,5	24,5	2,3	56,4	16,8
<i>Страны с доходом ниже среднего</i>	Занятое население	83,7	34,5	2,7	49,5	13,3
	Женщины	84,5	31,6	1,4	42,0	25,0
	Мужчины	83,4	35,8	3,3	52,8	8,2
<i>Страны с доходом выше среднего</i>	Занятое население	52,6	59,2	3,3	28,3	9,2
	Женщины	50,4	58,4	1,9	24,4	15,2
	Мужчины	54,0	59,8	4,4	31,1	4,8
<i>Страны с высоким уровнем доходов</i>	Занятое население	18,3	87,2	3,3	8,6	0,9
	Женщины	17,6	89,7	2,0	6,7	1,5
	Мужчины	18,9	85,2	4,3	10,0	0,5

Примечание. Составлено по: [World Employment and Social Outlook, 2019: p. 12].

Для сравнения, в странах с низким уровнем доходов неформально трудятся 89,8% населения, в то время как в странах с доходом ниже среднего таковых 52,6%, а в странах с высоким уровнем доходов — всего 18,3% (см. табл. 2). К числу наиболее защищенных представителей труда (наемных работников) в странах с высоким уровнем дохода относятся 87,2% трудящихся. Доля работников с таким статусом занятости падает вместе со снижением уровня экономического развития страны (59,2% — в странах с доходом выше среднего, 34,5% — в странах с доходом ниже среднего и лишь каждый пятый (18,8%) — в странах с низким уровнем дохода).

Основные противоречия и вызовы в сфере труда в XXI веке

Главными проблемами в современной сфере труда, по мнению автора, являются наличие большой доли неформальной и precarious занятости, малообеспеченность и бедность трудящихся, безработица и отсутствие хороших рабочих мест, а также постоянно растущее неравенство. Карантинные мероприятия и замораживание производственных процессов, направленные на преодоление пандемии COVID-19, существенно обострили перечисленные выше трудности.

Представлю краткий анализ сферы труда по выделенным ключевым проблемам.

Одной из важнейших характеристик труда в современном мире является широкое распространение *неформальной занятости, которая оказывается, как правило, наиболее незащищенной, precarious*. Сегодня неформально трудятся более половины работников нашей планеты (61% глобальной рабочей силы, или 2 млрд чел.) [World Employment, 2020: p. 34]. Озабоченность данным фактом вызвана тем, что такие работники не охвачены ни услугами медицинского страхования, ни системой социальной защиты. Кроме малообеспеченности и низкого качества жизни неформальная занятость обуславливает уменьшение производительности труда и общее снижение заработной платы трудящихся [Изменение характера труда, 2019: с. 19].

Кроме того, исследования свидетельствуют, что в неформальном секторе работники имеют меньшую отдачу от трудового стажа. Например, в Кении один год работы в неформальном секторе обеспечивает повышение дохода на 2,7% в год, в то время как доходы работников формального сектора ежегодно увеличиваются на 4,1%. В Южной Африке отдача от опыта работы в формальном секторе в 1,6 раза выше, чем в неформальном, а в Индии – более, чем в 2 раза [Изменение характера труда, 2019: с. 94].

Безработица и малообеспеченность людей труда. Трудовые доходы для большинства людей являются единственным источником существования, и наличие работы является важнейшим фактором их благосостояния и качества жизни. Не удивительно, что безработица, существенно выросшая в условиях карантинных ограничений, сегодня, согласно результатам социологических исследований, входит в триаду проблем современности, которые больше всего тревожат людей [What Worries the World, 2020].

До начала COVID-кризиса уровень глобальной безработицы составлял 5,4% (187,7 млн чел.). Помимо безработных еще 119,4 млн чел. находились в группе

потенциальной, или «недоиспользованной» рабочей силы¹ [World Employment and Social Outlook, 2020: p. 30]. Существует значительная неопределенность в отношении изменения динамики уровня безработицы в ближайшем будущем, которая, по мнению экспертов МОТ, будет зависеть от многих экономических, финансовых и геополитических рисков. Ожидается, что количество безработных будет увеличиваться в соответствии с ростом рабочей силы примерно на 2,5 млн чел. в год [World Employment and Social Outlook, 2020: p. 31]. Это означает, что мировая экономика в настоящее время не создает достаточно рабочих мест для вовлечения в производственные процессы всех новых участников рынка труда. С учетом стагнации экономики и колоссального недоиспользования труда в условиях карантинного замораживания производственных процессов это уже в скором времени может стать причиной обострения множества социально-экономических проблем и противоречий.

Большая численность «резервной армии труда» приводит к снижению уровня заработных плат и общему ухудшению условий занятости, являясь одной из причин малообеспеченности и бедности трудящихся.

Таблица 3

Уровень бедности среди работающего населения (1993, 2018)

Страны	Демографические группы	Крайняя бедность				Умеренная бедность			
		1993, %	1993, млн	2018, %	2018, млн	1993, %	1993, млн	2018, %	2018, млн
<i>Страны с низким и средним уровнем доходов</i>	Все занятое население	41,7	778,2	9,8	264,8	26,0	485,8	16,0	429,7
	Женщины	44,5	319,0	10,5	106,5	24,6	176,5	14,1	142,7
	Мужчины	39,9	459,2	9,4	158,3	26,9	309,3	17,1	287,0
	Молодежь	45,0	205,9	15,7	59,8	28,0	128,3	20,6	78,6
<i>Страны с низким уровнем доходов</i>	Все занятое население	61,4	91,2	39,2	115,8	21,6	32,1	27,5	81,3
	Женщины	63,9	43,2	40,4	54,4	21,3	14,4	27,7	37,3
	Мужчины	59,2	47,9	38,2	61,4	21,8	17,7	27,4	44,1
	Молодежь	63,0	27,0	41,4	32,7	22,1	9,5	28,8	22,7
<i>Страны с уровнем дохода ниже среднего</i>	Все занятое население	40,4	288,6	12,1	138,3	32,0	229,0	25,7	293,6
	Женщины	43,3	96,3	13,5	47,4	29,4	65,3	23,8	83,3
	Мужчины	39,1	192,3	11,5	90,9	33,2	163,7	26,6	210,3
	Молодежь	43,0	73,3	15,0	25,7	34,2	58,3	28,9	49,6
<i>Страны с уровнем дохода выше среднего</i>	Все занятое население	39,7	398,4	0,9	10,8	22,4	224,7	4,4	54,8
	Женщины	42,0	179,5	0,9	4,7	22,6	96,7	4,2	22,1
	Мужчины	38,0	218,9	0,8	6,0	22,2	128,0	4,5	32,7
	Молодежь	43,1	105,6	1,1	1,4	24,7	60,5	4,8	6,3

Примечания. Составлено по: [World Employment and Social Outlook, 2019: p. 16].

1 Новые стандарты МОТ определяют понятие безработицы как «активный поиск работы незанятыми лицами, которые доступны для [работы]», и потенциальную рабочую силу как «неработающие лица, которые проявляют интерес [к работе], но находятся в условиях, ограничивающих их активный поиск или доступность» [Measuring Unemployment, 2018].

В 2019 году 7,1% работников (234,4 млн чел.) в мире жили в условиях крайней бедности (менее чем на 1,9 долл. США в день) и еще 12,2% работников (402,3 млн чел.) — в условиях умеренной бедности (менее чем на 3,2 долл. США в день). Таким образом, сегодня каждый пятый трудящийся в мире (19,3%) относится к работающим бедным [World Employment and Social Outlook, 2020: p. 37]. При этом, по заключению МОТ, темпы снижения уровня рабочей бедности слишком медленные, чтобы говорить о реальном выполнении одной из Целей развития тысячелетия ООН об искоренении крайней бедности в мире к 2030 году.

Неравенство в сфере труда

Проблема социально-экономического неравенства уходит своими корнями в самую суть капиталистических отношений и непосредственно касается трудовой сферы. Главным фактором, определяющим тенденции рынка труда в последние десятилетия, стала понижающаяся динамика распределения зарплаты и оплачиваемой занятости. Как было зафиксировано в ряде исследований, с начала 80-х годов XX века доля труда в национальном доходе многих стран начала снижаться [Нагье, 2004: p. 6]. К примеру, в США в результате неолиберальных трансформаций доля труда в национальном доходе беспрецедентно резко сократилась с 75% в 1980-м году до 60% в 2010 году [Стиглиц, 2020: с. 69].

Глобальная сфера труда характеризуется сегодня несколькими видами четко проявляющихся неравенств, — в первую очередь, гендерным, возрастным и неравенством доходов. По последним данным МОТ, доля участия женщин в «пуле» рабочей силе составляет всего 47% по сравнению с 74% участия представителей мужского пола. Гендерное неравенство в сфере труда проявляется уже в юном возрасте — доля поколения NEET («not employed, not educated, not trained»), то есть молодежи, которая не работает, не получает образования и не приобретает трудовые навыки) среди молодых девушек (15–24 года) существенно выше таковой среди юношей (31% против 14% соответственно). Намного больше молодых (26%), чем взрослых работников (11%) трудятся неполный рабочий день. А верхний дециль (10% наиболее высоко оплачиваемых) работников получает половину (49%) всего трудового дохода, в то время как нижняя по доходам половина трудящихся получает в совокупности всего 6% [World Employment and Social Outlook, 2020: p. 20].

Женщины и молодежь (15–24 года) по-прежнему относятся к самым уязвимым группам на рынке труда, а цели по преодолению гендерного и возрастного неравенства в рамках реализации Программы достойного труда МОТ пока остаются не достигнутыми. В большинстве стран наблюдается разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами в диапазоне от 10% до 25% [World Employment and Social Outlook, 2019: p. 3]. В целом женщины больше трудятся на уязвимых, неформальных рабочих местах и подвергаются большему по сравнению с мужчинами риску быть уволенными.

Особую тревогу вызывает крайняя уязвимость занятости молодого поколения. Даже в самые благоприятные периоды молодые люди с большей вероятностью оказываются безработными или занятыми на менее качественных рабочих местах, чем взрослое население. Общемировой уровень безработицы среди молодежи в 2019 году (13,6%) практически в 3 раза превышал общие его пока-

затели. Более 3/4 молодых работников в 2019 году были заняты неформальной работой (преимущественно в Африке и Южной Азии), что сделало их особенно уязвимыми в условиях экономических кризисов и социальных потрясений, особенно в период нынешнего COVID-кризиса [МОТ, 2020: с. 5].

Социологические и экономические исследования однозначно свидетельствуют, что молодежь зарабатывает меньше, чем взрослые люди трудоспособного возраста, и более подвержена шоковому изменению доходов. Анализ данных 64 стран (на которые приходится 30% трудоустроенной молодежи в мире), проведенный специалистами МОТ, показал, что почасовая зарплата взрослых трудоспособного возраста в среднем на 71% превышает зарплату молодых людей. Последние, как правило, выполняют низкооплачиваемые работы и трудятся в низкооплачиваемых секторах экономики (многие из которых серьезно пострадали от вызванного COVID-19 кризиса) [МОТ, 2020: с. 7]. При этом даже наличие работы не спасает молодежь от бедности. Большинство из работающих бедных сегодня также относятся к молодежи. В целом в число бедных в современном мире входит каждый 10-й молодой работник [Молодежный форум в ООН, 2019: с. 1–2].

Влияние пандемии COVID-19 на мир труда. Пандемия COVID-19 и карантинные мероприятия с целью предотвращения распространения этой болезни существенно повлияли на социально-экономическую ситуацию в мире. По оценкам ООН, пандемия COVID-19 развязала кризис человеческого развития, так как прогресс последних десятилетий в этом отношении был фактически перечеркнут по ключевым параметрам, а уровни депривации стали эквивалентными показателям середины 80-х годов XX века [COVID-19, 2020: р. 3].

Пандемия усугубила ключевые социально-экономические проблемы, усилила неравенство и привела к росту нестабильности во всем мире. Во многих странах на фоне потрясений, связанных с кризисом в сфере здравоохранения, растет недоверие к государственным учреждениям, поскольку люди считают, что власти недостаточно эффективно борются с пандемией и скрывают от них информацию [Гутерриш, 2020].

В целом, 94% работников в мире оказались в ситуации полного или частичного прекращения работы в результате COVID-кризиса. Примерно пятая часть из них живут в странах, где рабочие места закрыты повсеместно за исключением жизненно важных отраслей [МОТ, 2020: с. 3]. Наибольшим ограничениям подверглись гостиничный бизнес, сфера общественного питания, обрабатывающая промышленность, розничная торговля, коммерческая и административная деятельность [ILO Monitor, 2020: р. 1]. Наибольшие потери отработанного времени понесли Северная и Южная Америка, а также Европа и Центральная Азия.

Недавно проведенное исследование МОТ подтвердило более ранние выводы о том, что наиболее пострадавшей группой в ходе пандемии оказалась молодежь. Представители этой возрастной группы в условиях коронакризиса испытывают многочисленные потрясения и трудности, в том числе перерывы в получении образования и профессиональной подготовки, потерю работы и доходов, а также более серьезные проблемы в поиске средств для выживания. В начале кризиса в наиболее пострадавших секторах во всем мире было занято 178 млн молодых работников, что составляло более 40% всей трудоустроенной молодежи мира [МОТ, 2020: с. 2].

Безусловно, пандемия COVID-19 сыграла большую роль в снижении показателей благосостояния и качества жизни людей. Однако, эффективность борьбы с данной проблемой, результативность принятых государством мер поддержки населения и в целом адекватность реакции государств и обществ на этот глобальный вызов современности во многом определялись состоянием экономики, сплоченностью обществ докризисного периода. По мнению автора, COVID-кризис выступил не главной причиной, а триггером социальных проблем, свидетелями которых мы сегодня являемся.

Можно согласиться с выводами Генерального секретаря ООН А. Гуттериша, который в одном из своих выступлений отметил, что COVID-19 наглядно проиллюстрировал несправедливость современного мира и обнаружил риски, которые игнорировались на протяжении десятилетий, а именно – слабые системы здравоохранения, пробелы в социальной защите, структурное неравенство и проблемы экологии. «COVID-19 сравнивают с рентгеновским лучом, обнаруживающим трещины в хрупком скелете обществ, которые мы построили. Он высвечивает повсеместные заблуждения и ложь: ложь о том, что свободные рынки могут обеспечить здравоохранение для всех; выдумку о том, что неоплачиваемая работа по уходу — это не работа; иллюзию того, что мы живем в пострасистском мире; миф о том, что все мы в одной лодке. На самом деле, хотя все мы оказались в одном море, очевидно, что одни бороздят его на суперяхтах, в то время как другие цепляются за плавающие обломки» [Гуттериш, 2020].

Выводы

Достигшее к нашему времени колоссальных размеров и глубины социально-экономическое неравенство является квинтэссенцией экономических и политических трансформаций последних десятилетий. Суть которых сводится к перераспределению власти и богатства в интересах бизнеса и корпораций при ослаблении позиций государств и общем ухудшении положения людей труда.

На современном этапе экономической глобализации труд стал более незащищенным и нестабильным, большинство трудящихся в результате внедрения в экономическую практику гибких производственных режимов оказались в тисках неформальной и прекарной занятости, интенсификации эксплуатации и неравенства в сфере труда. Зафиксированные ранее незначительные улучшения показателей занятости сегодня практически перечеркнуты разразившимся в начале прошлого года COVID-кризисом, угрожающим еще более тяжелыми последствиями, чем Великая депрессия 30-х годов XX века. Достигнутый прогресс в реализации Программы достойного труда МОТ очень незначителен, а достижение амбициозных целей по приданию процессу глобализации социального содержания, заявленных в «Декларации МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации» [Декларация МОТ, 2008: с. 2], в ближайшей перспективе представляется маловероятным без принятия новых действенных мер в этом отношении со стороны мирового сообщества.

Вместе с тем нынешний кризис не должен повергать мир в отчаяние; наоборот, он должен стать импульсом для пересмотра существующей социально-экономической политики и поиска новой системы общественного развития.

Становится очевидным, что человечеству необходим принципиально иной подход к претворению в жизнь поставленных целей в экономике и политике, в рамках которого результаты глобализации и технического прогресса будут распределяться более равномерно и справедливо, составляя основу развития всего общества.

Источники

Анисимов, Р.Н. (2020). Влияние цифровых технологий на социальную структуру общества (проблемы и последствия). В: *Эффективность труда и качества трудовой жизни XXI века: сборник научных статей* (с. 8–16). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.

Арсеенко, А., Петрушина, Т. (2014). США та Україна: сценарії деіндустріалізації. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 23–47.

Арсеенко, А.Г. (2020). Цифровизация глобальной неолиберальной экономики как она есть. В: *Эффективность труда и качества трудовой жизни XXI века: сборник научных статей* (с. 16–24). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.

Аткинсон, Э. (2018). *Неравенство: как с ним быть?* Москва: ИД «Дело».

Гартман, Д. (2015). Постмодернизм или логика культуры постфордизма? В: *Постфордизм: концепции институты, практики*. Москва: Политическая энциклопедия. Получено из: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625>

Гутерриш, А. (2020). *Борьба с пандемией неравенства: новый общественный договор для новой эпохи*. Получено из: <https://www.un.org/ru/coronavirus/tackling-inequality-new-social-contract-new-era>

Гутерриш: пандемия выявила острые проблемы, в том числе опасность биотерроризма. *Новости ООН*. Получено из <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381332>

Декларация МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации (2008). Женева, 10 июня. Получено из: [//www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/fair_globalization.pdf](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/fair_globalization.pdf)

Ельмеев, В.Я. (2007). *Социальная экономия труда: общие основы политической экономии*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Изменение характера труда. Доклад о мировом развитии–2019 (2019). Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк.

Исчезнут 57 профессий, а появятся новые 186 (2019). *Атлас Новых Профессий*. Получено из: <https://osvitanova.com.ua/posts/2361-yscheznut-57-professyi-a-poiaviatsia-novye-186-atlas-novykh-professyi>

Маркс, К. (1978). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. Кн. 1. *Процесс производства капитала*. Москва: Политгиздат.

Мартьянов, В.С. (2015). Постфордизм: научная теория или новейшая социальная утопия? В: *Постфордизм: концепции, институты, практики*. Москва: Политическая энциклопедия. Получено из: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625>

Молодежный форум в ООН: без участия молодых людей не решить проблем человечества (2019). *Новости ООН*. Получено из: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352771>

МОТ (2020). COVID-19 и сфера труда. *Вестник МОТ: Вып. 4: Обновленные оценки и анализ*, 27 мая.

Наш ответ глобализации: Программа достойного труда (2018). Получено из: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_655937/lang-ru/index.htm

Работать ради лучшего будущего. Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда (2019). Женева: Международное бюро труда.

Равенство. Международная организация труда (s.a.). Получено из: <https://www.ilo.org/moscow/dw4sd/themes/equality/lang-ru/index.htm#19>

Социологический энциклопедический словарь (1998). Москва: ИНФРА-М НОРМА.

Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь (2006). Санкт-Петербург: Наука.

- Стиглиц, Дж. (2020). Преодоление великого разрыва. Пандемия вскрыла глубокие различия, но еще не поздно сменить курс. *Финансы и развитие, сентябрь*. Получено из: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.pdf>
- Уэбстер, Фр. (2004). *Теории информационного общества*. Москва: Аспект Пресс.
- Флорида, Р. (2018). *Ното creativus*. Як новий клас завоює світ. Київ: Наш формат.
- Форд, М. (2016). *Пришестя роботів. Техніка і загроза майбутнього безробіття*. Київ: Наш формат.
- Харви, Д. (2007). *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*. Москва: Поколение.
- Шевчук, А.В. (2000). *Постфордистские концепции (критический анализ)*. Получено из: http://ecsocman.hse.ru/data/634/686/1219/Shevchuk_PostfordistTheories2000.pdf
- Bell, D. (1974). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery. 2020 Human Development Perspectives* (2020). New York: United Nations Development Programme.
- Decent work* (2018). International Labour Organization. Retrieved from: <https://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang--en/index.htm>
- Global Employment Trends for Youth, 2017: Paths to a better working future* (2018). International Labour Organisation. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_598675.pdf
- Haque, I. (2004). Globalization, Neoliberalism and Labour. *United Nations Conference on Trade and Development*, no. 173.
- ILO Monitor: COVID-19 and the world of work Updated estimates and analysis* (2020). Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefing-note/wcms_740877.pdf
- McLuhan, M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill Book Company.
- Measuring Unemployment and Potential Labour Force in LFSs: Main Findings from the ILO LFS Pilot Studies*. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_627878.pdf
- Special Eurobarometer 460. Attitudes towards the impact of digitisation and automation on daily life. European Union* (2017). Retrieved from: file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0/Downloads/ebs_460_sum_en.pdf
- Statistics on labour income and inequality* (2019). ILOSTAT. Retrieved from <https://ilostat.ilo.org/topics/labour-income/>
- Stiglitz, J. (2020). *People, Power, and Profits. Progressive Capitalism for an Age of Discontent*. Moscow: Alpina Publisher.
- The Global Labor Income Share and Distribution* (2019). Data Production and Analysis Unit, ILO Department of Statistics Key Findings. International Labour Office, July. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_712232.pdf
- The Productivity-Pay Gap* (2019). Economic Policy Institute. Retrieved from: <https://www.epi.org/productivity-pay-gap/>
- Toffler, A. (1981). *The Third Wave*. Toronto, New York, London, Sydney: Bantam Books.
- Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development* (2020). Retrieved from: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld>
- What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month* (2020). Retrieved from: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/www-pr-november-2020.pdf>
- World Employment and Social Outlook: Trends 2019* (2019). International Labour Office. Geneva: ILO.
- World Employment and Social Outlook: Trends 2020* (2020). International Labour Office. Geneva: ILO.

Получено 29.01.2021

References

- 57 professions will disappear, and new 186 will appear (2019). [In Russian]. In: *Atlas of New Professions*. Retrieved from: <https://osvitanova.com.ua/posts/2361-yscheznut-57-professyi-a-poia-viatsia-novye-186-atlas-novykh-professyi> [Исчезнут 2019]
- Anisimov, R.N. (2020). The impact of digital technologies on the social structure of society (problems and consequences). [In Russian]. In: *Efficiency of labor and quality of working life of the XXI century: collection of scientific articles* (pp. 8-16). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2020. [=Анисимов 2020]
- Arseenko, A., Petrushina, T. (2014). USA and Ukraine: scenarios of deindustrialization. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 23–47. [=Арсеєнко, Петрушина 2014]
- Arseenko, A.G. (2020). Digitalization of the global neoliberal economy as it is. In: *Efficiency of labor and the quality of working life of the XXI century: collection of scientific articles* (pp. 16–24). [In Russian]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. [=Арсеєнко 2020]
- Atkinson, A. (2018). *Inequality: how to deal with it?* [In Russian]. Moscow: PH «Dielo». [=Аткинсон 2018]
- Bell, D. (1974). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Change in the nature of work. World Development Report 2019*. [In Russian]. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. [Изменение 2019]
- COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery. 2020 Human Development Perspectives* (2020). New York: United Nations Development Programme.
- Decent work* (2018). International Labour Organization. Retrieved from: <https://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang-en/index.htm>
- Equality. The International Labour Organization* (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <https://www.ilo.org/moscow/dw4sd/themes/equality/lang-ru/index.htm#19> [=Равенство s.a.]
- Florida, R. (2018). *Homo creativus. How does the new class conquer the world*. [In Ukrainian]. Kyiv: Nash format. [=Флорида 2018]
- Ford, M. (2016). *Six robots. Technology and the threat of potential security*. [In Ukraine]. Kyiv: Nash format. [=Форд 2016]
- Global Employment Trends for Youth, 2017: Paths to a better working future* (2018). International Labour Organisation. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_598675.pdf
- Guterres, A. (2020). *Tackling the pandemic of inequality: a new social contract for a new era*. Retrieved from: <https://www.un.org/ru/coronavirus/tackling-inequality-new-social-contract-new-era> [=Гутерриш 2020]
- Guterres: The pandemic has exposed acute problems, including the danger of bioterrorism. [In Russian]. *UN News*. Retrieved from: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381332>
- Haque, I. (2004). Globalization, Neoliberalism and Labour. *United Nations Conference on Trade and Development*, no. 173.
- Hartman, D. (2015). Postmodernism or the logic of post-Fordism culture? [In Russian]. *Postfordism: Concepts, Institutions, Practices*. Moscow: Political Encyclopedia. Отримано з: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625> [=Гартман 2015]
- Harvey, D. (2007). *A Brief History of Neoliberalism. Actual reading*. [In Russian]. Moscow: Poko-lienie. [=Харви 2007]
- ILO (2020). COVID-19 and the world of work. *ILO Newsletter*: Iss. 4: Updated estimates and analysis, May 27. [In Russian]. [=Международная организация труда 2020]
- ILO Declaration on Social Justice for a Fair Globalization* (2008). Geneva, June 10. [In Russian]. Retrieved from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/fair_globalization.pdf [=Декларация 2008]
- ILO Monitor: COVID-19 and the world of work Updated estimates and analysis* (2020). Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefing-note/wcms_740877.pdf
- Martyanov, V.S. (2015). Postfordism: Scientific Theory or the Latest Social Utopia? [In Russian]. In: *Postfordism: concepts, institutions, practices*. Moscow: Political Encyclopedia. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24645625> [=Мартьянов 2015]

Marx, K. (1978). The process of capital production. [In Russian]. In: K. Marx, Capital. *Criticism of Political Economy* (vol. 1, book 1). Moscow: Politizdat. [=Маркс 1978]

McLuhan, M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill Book Company.

Measuring Unemployment and Potential Labour Force in LFSs: Main Findings from the ILO LFS Pilot Studies. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_627878.pdf

Our response to globalization: the Decent Work Agenda. [In Russian]. Retrieved from: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_655937/lang-ru/index.htm [=Наш ответ 2018]

Shevchuk, A.V. (2000). *Postfordist concepts (critical analysis)*. [In Russian]. Retrieved from: http://ecsocman.hse.ru/data/634/686/1219/Shevchuk_PostfordistTheories2000.pdf [=Шевчук 2000]

Sociological encyclopedic dictionary (1998). [In Russian]. Moscow: INFRA-M NORMA. [=Социологический 1998]

Sociology of Labor. Theoretical and Applied Explanatory Dictionary (2006). [In Russian]. St. Petersburg: Nauka. [=Социология 2006]

Special Eurobarometer 460. Attitudes towards the impact of digitisation and automation on daily life. European Union (2017). Retrieved from: file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B%D0%BD%D0%B0/Downloads/ebs_460_sum_en.pdf

Statistics on labour income and inequality (2019). ILOSTAT. Retrieved from <https://ilostat.ilo.org/topics/labour-income/>

Stiglitz, J. (2020). Bridging the great divide. The pandemic has revealed profound differences, but it's not too late to change course. *Finance & Development*, September. [In Russian]. Retrieved from: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.pdf> [=Стиглиц 2020]

Stiglitz, J. (2020). *People, Power, and Profits. Progressive Capitalism for an Age of Discontent*. Moscow: Alpina Publisher.

The Global Labor Income Share and Distribution (2019). Data Production and Analysis Unit, ILO Department of Statistics Key Findings. International Labour Office, July. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_712232.pdf

The Productivity-Pay Gap (2019). Economic Policy Institute. Retrieved from: <https://www.epi.org/productivity-pay-gap/>

Toffler, A. (1981). *The Third Wave*. Toronto, New York, London, Sydney: Bantam Books.

Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development (2020). Retrieved from: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld>

Webster, Fr. (2004). *Information Society Theories*. [In Russian]. Moscow: Aspect Press. [=Уэбстер 2004]

What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month (2020). Retrieved from: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/www-pr-november-2020.pdf>

Work for a better future. Global Commission on the Future of Work (2019). [In Russian]. Geneva: International Labor Office. [=Работать 2019]

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). International Labour Office. Geneva: ILO.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020 (2020). International Labour Office. Geneva: ILO.

Yelmeev, V.Ya. (2007). *Social Labor Economy: General Foundations of Political Economy*. [In Russian]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. [=Ельмеев 2007]

Youth Forum at the UN: without the participation of young people cannot solve the problems of humanity (2019). *UN News*. [In Russian]. Retrieved from: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352771> [=Молодежный форум 2019]

Received 29.01.2021

ВІТАЛІНА БУТКАЛЮК

Праця у XXI столітті: виклики постфордизму / неолібералізму і становище трудящих у сучасному глобальному світі

У статті досліджуються сучасні проблеми глобальної сфери праці та зайнятості. Автор в історичному вимірі оцінює причини і наслідки структурних трансформацій економіки і соціально-трудоких відносин в результаті переходу капіталістичного господарства від фордизму і кейнсіанства до постфордизму та неолібералізму в кінці XX століття.

Проаналізувавши значний масив статистичної та соціологічної інформації, автор робить висновок про те, що в умовах неоліберальної економічної глобалізації трудова сфера зазнала істотних змін в порівнянні з періодом «славного післявоєнного тридцятиріччя» капіталізму. Реалізація радикальних економічних реформ призвела до підвищення вразливості зайнятості і зниження якості трудового життя багатьох категорій трудящих в сучасному світі. Зменшення частки найманої праці у ВВП, відставання темпів зростання заробітних плат від продуктивності праці, значне поширення неформальної та незахищеної зайнятості, характерні для цього періоду, стали головними причинами зростання соціально-економічної нерівності та суттєвого поширення бідності і малозабезпеченості в робітничому середовищі в останні десятиліття.

Розглянувши вплив нинішнього процесу автоматизації, роботизації і цифровізації глобальної економіки, автор робить висновок, що без зміни соціально-економічної та політичної конфігурації сучасного світоустрою потенційно висока корисність новітніх досягнень науки і техніки буде істотно обмежена і підпорядкована переважно економічним інтересам власників капіталу замість працювати на благо всього людства та соціального прогресу. У статті приділяється особлива увага вивченню наслідків пандемії COVID-19 в контексті їх впливу на становище найманих працівників у сучасному світі.

Ключові слова: постфордизм, неолібералізм, праця, соціальні відносини у сфері праці, соціально-економічна нерівність, нерівність у сфері праці

ВІТАЛІНА БУТКАЛЮК

Труд в XXI веке: вызовы постфордизма / неолиберализма и положение трудящихся в современном глобальном мире

В статье исследуются современные проблемы глобальной сферы труда и занятости. Автор в историческом контексте оценивает причины и последствия структурных трансформаций экономики и социально-трудовых отношений в результате перехода капиталистического хозяйства от фордизма и кейнсианства к постфордизму и неолиберализму на исходе XX века.

Проанализировав значительный массив статистической и социологической информации, автор делает вывод о том, что в условиях неолиберальной экономической глобализации труд претерпел существенные изменения по сравнению с периодом «славного послевоенного тридцатилетия» капитализма. Реализация радикальных экономических реформ привела к повышению уязвимости занятости и снижению качества трудовой жизни многих категорий трудящихся в современном мире. Уменьшение доли наемного труда в ВВП, отставание темпов роста заробітних плат от производительности труда, широкое распространение неформальной и незащищенной занятости, характерные для этого периода, стали главными причинами роста социально-экономического неравенства и широкого распространения бедности и малообеспеченности в рабочей среде в последние десятилетия.

Рассмотрев влияние нынешнего процесса автоматизации, роботизации и цифровизации глобальной экономики, автор делает заключение, что без изменения социально-экономической и политической конфигурации устройства современного мира потенциально высокая полезность новейших достижений науки и техники будет существенно ограничена и подчинена преимущественно экономическим интересам собственников капитала, а не будет работать на благо всего человечества и социального прогресса. В статье уделяется особое внимание

изучению последствий пандемии COVID-19 в контексте их влияния на положение наемных работников в современном мире.

Ключевые слова: постфордизм, неолиберализм, труд, социальные отношения в сфере труда, социально-экономическое неравенство, неравенство в сфере труда

VITALINA BUTKALIUK

Labor in the 21st century: challenges of post-Fordism / neoliberalism and the situation of working people in the modern global world

The article examines the current problems of the global sphere of work and employment. The author historically assesses the causes and consequences of the structural transformations of the economy and social and labor relations as a result of the transition of the capitalist economy from fordism and keynesianism to post-fordism and neoliberalism at the end of the 20th century.

Based on the analysis of a significant array of statistical and sociological information the author concludes that in the conditions of neoliberal economic globalization, labor has undergone significant changes in comparison with the period of the «glorious post-war thirty years» of capitalism. The implementation of radical economic reforms has led to an increase in employment vulnerability and a decrease in the quality of working life for many categories of workers in the modern world. The decline in the share of labor in GDP, the lag in wage growth rates from labor productivity, and the widespread incidence of informal and vulnerable employment, characteristic of this period, have become the main reasons for the growth of socioeconomic inequality and widespread poverty and poverty in the working environment in recent decades.

Having considered the impact of the current process of automation, robotization and digitalization of the global economy, the author concludes that without changing the socio-economic and political configuration of the structure of the modern world, the potentially high utility of the latest achievements of science and technology will be significantly limited and subordinated mainly to the economic interests of capital owners, and will not work for the benefit of all humanity and social progress. The article pays special attention to studying the consequences of the COVID-19 pandemic in the context of their impact on the position of employees in the modern world.

Keywords: post-Fordism, neoliberalism, labor, social relations in the world of work, socio-economic inequality, labour inequality